

Introduction

PART I. Roads to Sarajevo

1. Serbian Ghosts
Murder in Belgrade/‘Irresponsible Elements’/ Mental Maps/Separation/
Escalation/Three Turkish Wars/The Conspiracy/Nikola Pašić Reacts
2. The Empire without Qualities
Conflict and Equilibrium/The Chess Players/Lies and Forgeries/Deceptive
Calm/Hawks and Doves

PART II. One Continent Divided

3. The Polarization of Europe, 1887–1907
Dangerous Liaison: the Franco-Russian Alliance/ The Judgement of Paris/
The End of British Neutrality/ Belated Empire: Germany/ The Great Turning
Point?/ Painting the Devil on the Wall
4. The Many Voices of European Foreign Policy
Sovereign Decision-makers/ Who Governed in St Petersburg?/ Who Governed
in Paris?/ Who Governed in Berlin?/ The Troubled Supremacy of Sir Edward
Grey/ The Agadir Crisis of 1911/ Soldiers and Civilians/ The Press and Public
Opinion/ The Fluidity of Power
5. Balkan Entanglements
Air Strikes on Libya/ Balkan Helter-skelter/ The Wobbler/ The Balkan Winter
Crisis of 1912–13/ Bulgaria or Serbia?/ Austria’s Troubles/ The Balkanization
of the Franco-Russian Alliance/ Paris Forces the Pace/ Poincaré under Pressure
6. Last Chances: Détente and Danger, 1912–1914
The Limits of Détente/ ‘Now or Never’/ Germans on the Bosphorus/ The Balkan
Inception Scenario/ A Crisis of Masculinity?/ How Open Was the Future?

PART III. Crisis

7. Murder in Sarajevo
The Assassination/ Flashbulb Moments/ The Investigation Begins/ Serbian
Responses/ What Is to Be Done?
8. The Widening Circle
Reactions Abroad/ Count Hoyos Goes to Berlin/ The Road to the Austrian
Ultimatum/ The Strange Death of Nikolai Hartwig
9. The French in St Petersburg
Count de Robien Changes Trains/ M. Poincaré Sails to Russia/ The Poker Game
10. The Ultimatum
Austria Demands/ Serbia Responds/ A ‘Local War’ Begins
11. Warning Shots
Firmness Prevails/ ‘It’s War This Time’/ Russian Reasons
12. Last Days
A Strange Light Falls upon the Map of Europe/ Poincaré Returns to Paris/ Russia
Mobilizes/ The Leap into the Dark/ ‘There Must Be Some Misunderstanding’/
The Tribulations of Paul Cambon/ Britain Intervenes/ Belgium/ Boots

Conclusion/ **Заклучение**ⁱ

Заклучение

«Я никогда не смогу понять, как это произошло, – заметила писатель Ребекка Уэст своему мужу на балконе мэрии Сараево в 1936 году. – Не потому что фактов недостаточно, но потому что их слишком много».ⁱ Представление кризиса 1914 года как сложностного было одной из ключевых задач этой книги. Частью эти сложности проистекали из установок (behaviours) определяющих нашу политическую сцену и сегодня. Последний раздел книги был написан на пике поразившего Еврозоны финансового кризиса 2011–12 гг. – актуального события озадачивающей сложности. Примечательно, что про-тагонисты этого кризиса Еврозоны, как и акторы кризиса 1914 года, осознавали возможность катастрофического (крах евро) исхода событий. Все они надеялись, что этого не случится, но, помимо этого общего интереса, каждый из них преследовал свои – противоречащие другим – интересы. В связи с взаимозависимостью внутрисистемных действий, последствия любого действия обуславливались реагирующими на него действиями со стороны других акторов, просчитывать которые заранее было чрезвычайно затруднительно по причине непрозрачности процессов принятия решений. И при этом политические акторы кризиса Еврозоны эксплуатировали *возможность* всеобщей катастрофы как рычаг обеспечения собственных специфических преимуществ

В этом плане персонажи 1914-го – наши современники. Однако различия здесь столь же значимы, как и общие черты. По крайней мере, правительственные министры, поставленные перед задачей разрешения кризиса Еврозоны, сумели достичь согласия относительно общих характеристик того, что *стало* проблемой, - в 1914-м же,

ⁱ Rebecca West, *Black Lamb and Grey Falcon. A Journey Through Yugoslavia* (London, 1955), p. 350.

ⁱ (L., Allen Lane, 2012). Пер. с англ – Олег В. Никифоров (lettera.org).

напротив, глубинный раскол в этических и политических перспективах разрушал консенсус и истощал доверие. В 1914-м вовсе не существовало тех мощных наднациональных институций, обеспечивающих рабочую рамку для определения задач, посредничества в конфликтах и поиска средств их разрешения. Более того, сложность кризиса 1914-го происходила не из распыления компетенций и ответственностей по инстанциям единого политико-финансового целого, но из скоропалительных взаимодействий между тяжеловооруженными автономными центрами власти, противостоящими различным и стремительно изменяющимся угрозам и предпринимающими действия в условиях высокого риска и низкого доверия и прозрачности.

Критическими для комплекса событий 1914 года были быстрые изменения в международной системе: внезапное возникновение албанского территориального государства, турецко-русская военно-морская гонка вооружений на Черном море или же переориентация российской политики с Софии на Белград – называя лишь некоторые из них. Это были не долгосрочные исторические переменные, но сиюминутные перегруппировки. Их последствия отягощались текучестью властных отношений в европейском руководстве: противоборство Грея с либеральными радикалами, непрочность позиций Пуанкаре и его политики альянса, или же кампания Сухомлинова против Кокковцова. После отставки Владимира Кокковцова с его поста в январе 1914-го, согласно неопубликованным мемуарам политического инсайдера, царь Николай II сначала предложил его должность глубоко консервативному Петру Н. Дурново, волевому и решительному человеку, жесткому противнику какого-либо вовлечения России в балканские дела. Но Дурново отклонил предложение и место занял Горемыкин, чья слабость позволила Кривошеину и военному командованию оказывать избыточное влияние на заседаниях Совета в июле 1914-го.ⁱ Было бы ошибочным

ⁱ Имеются в виду мемуары князя Б. А. Васильченко (Prince B. A. Vasil'chiko), обсуждаемые в работе D. C. B. Lieven, 'Bureaucratic Authoritarianism in Late

придавать этой детали слишком большое значение, но она обращает наше внимание на значимость сиюминутных случайностных подвижек в конфигурировании условий возникновения кризиса 1914-го.

А это, в свою очередь, делало систему в целом еще более непрозрачной и непредсказуемой, усиливало всепроникающее чувство взаимного недоверия даже внутри противостоящих Союзов, последствия чего были опасными для сохранения мира. Уровень доверия между российским и британским руководством в 1914 году был относительно низким и продолжал понижаться, но это не уменьшало готовности британского Форин Офиса принять европейскую войну на определенных Россией условиях; напротив, это было доводом в пользу вмешательства. То же самое может быть сказано и о франко-русском Союзе: сомнение относительно его будущего подталкивало обе стороны к еще большей готовности идти на риск конфликта. Колебания во властных отношениях внутри каждого из правительств – усугубляемые резко меняющимися объективными условиями – в свою очередь, вызывали колебания политической линии и двусмысленности в ее выражении, что особенно характерно для предвоенных кризисов. В действительности, не ясно, всегда ли уместным является применение термина «политическая линия» ('policy') в контексте периода, предшествующего 1914 году, если учитывать характерную неопределенность и двусмысленность многих обязательств того времени. Трудно сказать, имели ли в 1912–14 гг. Россия и Германия какую-либо «балканскую политику» – вместо нее мы видим лишь множество инициатив, сценариев и установок, различить за которыми некую общую тенденцию иногда очень непросто. Изменчивость баланса сил (power relations) внутри руководства того или иного государства также определяла то, что уполномоченные формулировать политическую линию лица делали это при значительном «домашнем» давлении – не столько со стороны прессы, общественного

Imperial Russia: The Personality, Career and Opinions of P. N. Durnovo', *The Historical Journal*, 26/2 (1983), pp. 391–402.

мнения или промышленных и финансовых лобби, сколько со стороны их оппонентов внутри собственных элит и правительственных кабинетов. И это тоже усиливало ощущение безотлагательности, осаждавшее летом 1914-го принимающие решения лица (decision-makers).

Нам следует различать между объективными факторами, воздействовавшими на принимающие решения лица, и теми историями (stories), что они рассказывали себе самим и друг другу о том, что, по их суждению, они делали и почему они это делали. Все ключевые акторы в нашей истории пропускали мир сквозь нарративы, выстроенные из кусочков опыта, склеенных вместе страхами, проекциями и интересами, облачаемыми как максимы. Для Австрии здравомысленная оценка того, как следует выстраивать отношения с Белградом, блокировалась историей о нации молодых бандитов и цареубийц, бесконечно провоцирующих и подстрекающих терпеливого старшего (elderly) соседа. В Сербии ту же функцию исполняли фантазии о жертвенности и о подавлении со стороны хищной всевластной империи Габсбургов. В Германии лета 1914 года высокое руководство терзали мрачные видения будущих вторжений и разделов. Схожее воздействие – одновременного искажения прошлого и высвечивания настоящего – в России оказывала сага о многочисленных былых унижениях со стороны центральных держав. Наиболее важным из всех был широко распространенный нарратив об исторически неизбежном упадке Австро-Венгрии, который, постепенно заменяя прежнюю комбинацию утверждений об осевой роли Австрии для стабильности в Центральной и Восточной Европе и подрывая представление о том, что Австро-Венгрия, как и любая другая великая держава, имеет ряд интересов, которые она вправе жестко отстаивать, играл на руку (disinhibited) врагам Вены.

То, что Балканская сцена (setting) была центральной для взрыва войны, может, принимая во внимание место убийства, развязавшего кризис, казаться самоочевидным. Но следует особо подчеркнуть два момента. Во-первых, Балканские войны опасным образом переопределили от-

ношения между большими и малыми державами. В глазах австрийского и русского руководства борьба за контроль над событиями на Балканском полуострове приобрела новую и чреватую большими осложнениями конфигурацию, особенно во время зимнего кризиса 1912-13 гг. Одним из последствий этого была балканизация Франко-Русского союза. Франция и Россия в разном темпе и по разным причинам собирали спусковой механизм на австро-сербской границе. Сценарий начала войны с Балкан (Balkan inception scenario) не был ни политической линией, ни планом или заговором, со временем постепенно созревающим, равно как не существовало сколь-нибудь необходимого и прямого отношения между позициями, занятыми в 1912 и 1913 гг. и развязыванием войны в следующем году. Дело не обстояло так, что сценарий начала войны с Балкан – т.е. из Сербии – ввергал Европу в действительно начавшуюся в 1914 году войну, но, скорее, наоборот – он предоставил понятийную рамку, сообразно которой был истолкован кризис, когда он действительно случился. Таким образом Россия и Франция чрезвычайно ассиметричным образом связали судьбы двух крупнейших мировых держав с неясным будущим беспокойного и переодически срывающегося в насилие государство.

Для Австро-Венгрии, чей порядок региональной безопасности был разрушен Балканскими войнами, Сараевское убийство не было поводом для активации заранее сверстанной политики вторжения и войны. Это стало преобразующим событием, сопряженным с реальной и символическими угрозами. Из перспективы XXI века легко говорить, что Вена должна была разрешить проблемы, возникшие в результате убийства, путем спокойных двусторонних переговоров с Белградом, но в раскладе 1914 года это не было надежным вариантом. По той же причине неприемлемым было и вялое, исходившее из дистанцированного безразличия к властно-политическим реалиям австро-венгерской ситуации, предложение сэра Эдварда Грея о «посредничестве четырех держав». Дело было не только в том, что сербские власти, с одной стороны,

не желали, с другой, не были способны пресечь ирредентистскую активность, собственно и ставшую питательной почвой для убийства; но также и в том, что друзья Сербии отказывали Вене в праве включить в ее требования к Белграду обеспечение средств контроля и исполнения предписаний. Они отвергали такие требования на том основании, что они противоречат суверенности Сербии. Здесь имеются параллели с дебатами, происходившими в Совете Безопасности ООН в октябре 2011 года в связи с предложением – одобренным государствами-членами НАТО – о введении санкций против режима Асада в Сирии для предотвращения дальнейших расправ (massacres) над инакомыслящими гражданами этой страны. Протестуя против этого предложения, представитель России аргументировал, что эта идея выражает неподобающе «конфронтационный подход», типичный для западных государств, тогда как представитель Китая аргументировал неприемлимость санкций как противоречащих «суверенности» Сирии.

Где тогда располагается вопрос о виновности? Утверждая, что Германия и ее союзники морально ответственны за развязывание войны, статья 231 Версальского мирного договора вписывает вопросы виновности в центр, или почти в центр, дебатов об истоках войны. Игра в поиски виновных (blame game) никогда не теряла своей привлекательности. Наиболее авторитетное выражение этой традиции – это «тезисы Фишера», как обозначается группа аргументов, сформулированных в 1960-х Фрицем Фишером, Иммануэлем Гайсом и рядом более молодых немецких историков, идентифицировавших Германию как государство, преимущественно виновное в развязывании войны. Согласно этой точке зрения (оставляя в стороне многочисленные ее вариации внутри школы Фишера), немцы не оступились и не соскользнули в войну. Они *выбрали* ее – и даже хуже: они заранее спланировали ее в надежде вырваться из европейской изоляции и сделать заявку на мировое могущество (world power). Недавние исследования возникшей вокруг тезисов Фишера полемики высветили связи между этими дебатами и сопряженным процессом

осознавания пагубного морального наследия нацистской эры немецкими интеллектуалами, и по многим позициям аргументы Фишера были подвергнуты критике.ⁱ Тем не менее, разреженная версия тезисов Фишера до сих пор остается определяющей в исследованиях пути Германии к войне.

Действительно ли мы нуждаемся в создании дела против одного единственного виновного государства или в ранжировании государств сообразно с их долей ответственности в развязывании войны? В своем классическом исследовании ее истоков Пол Кеннеди заметил, что склоняться в поисках виновника, обвиняя всех или никого из противоборствовавших государств является проявлением «вялости» ('flaccid').ⁱⁱ Более жесткий подход, по мнению Кеннеди, не должен отшатываться от указывания пальцем. Но проблема с ориентированным на поиск виновного описанием (account) заключается не в том, что можно ошибиться, признав виновным не того. Скорее, проблема в том, что центрированные на вменении вины описания содержат в себе встроенные допущения. Во-первых, они склонны предполагать, что в конфликтных взаимодействиях один из протагонистов должен оказываться правым, другой же – неправым. Были ли сербы неправы в их стремлении к сербскому объединению? Были ли неправы австрийцы, настаивая на независимости Албании? Можно ли определить, что одна из этих кампаний было более неправой, чем другая? Сам этот вопрос бессмысленен. Другой изъян обвиняющих нарративов заключается в том, что они сужают поле видения, фокусируясь на политическом темпераменте и инициативах того или иного государства,

i См., например, Mark Hewitson, *Germany and the Causes of the First World War* (Oxford, 2006), pp. 3–4. О тезисах Фишера как форме личного противостояния пагубному наследию нацизма см. Klaus Grosse Kracht, 'Fritz Fischer und der deutsche Protestantismus' *Zeitschrift für neuere Theologiegeschichte*, 10/2 (2003), pp. 224–52; Rainer Nicolaysen, 'Rebell wider Willen? Fritz Fischer und die Geschichte eines nationalen Tabubruchs', in Rainer Nicolaysen and Axel Schildt (eds.), *100 Jahre Geschichtswissenschaft in Hamburg (Hamburger Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte*, vol. 18) (Berlin/Hamburg, 2011), pp. 197–236.

ii Paul Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism* (London, 1980), p. 467.

а не на многосторонних процессах взаимодействия. Далее, проблематичным является то, что поиск виновного подталкивает дознавателя к конструированию действий принимающих решения лиц как запланированных и ведомых непротиворечивым замыслом. Но тогда следует показать, что кто-то столь же хотел войны, как содействовал ее развязыванию. В своей крайней форме такой подход производит конспирологические дискурсы, живописующие то, как клика всесильных субъектов, подобно бондовским злодеям, облаченным в бархатные пиджаки, из-за сцены контролирует ход событий в согласии с их злонамеренным планом. Несомненно, такого рода повествования могут приносить моральное удовлетворение, и не является логически невозможным, что летом 1914-го война была развязана именно таким манером, однако в перспективе, развиваемой этой книгой, такого рода аргументация не находит фактических подтверждений.

Развязывание войны в 1914 году – это не одна из драм Агаты Кристи, в конце которой мы обнаруживаем преступника, стоящего над бездыханным телом в консерватории с дымящимся пистолетом в руках. В этой истории дымящийся пистолет не присутствует, или, скорее, у каждого из действующих в ней персонажей в руках по пистолету. Если смотреть в этом свете, то развязывание войны было трагедией, а не преступлением.ⁱ Признание этого не значит, что мы минимизируем агрессивность и империалистическую паранойю австрийских и немецких политических деятелей: преимущественное внимание Фрица Фишера и его историографических союзников было направлено на них не зря. Но немцы были не единственными империалистами, и не только они поддались паранойе. Кризис, приведший к войне 1914 года, был плодом общей политической культуры. Но он также был многополярным и действительно интерактивным – это и делает его наиболее слож-

i См. Paul W. Schroeder, 'Embedded Counterfactuals and World War I as an Unavoidable War', p. 42; убедительный анализ, интерпретирующий войну как неумышленный результат ошибок, совершенных политической элитой, признававшей катастрофичность всеобщей войны, см. в: Gian Enrico Rusconi, *Rischio 1914. Come si decide una guerra* (Bologna, 1987).

ностным событием современности (modern times) и обуславливает то, что полемика об истоках Первой мировой войны продолжается и столетие после того, как Гаврило Принцип сделал те два смертельных выстрела на улице Франца Йозефа.

Одна вещь ясна наверняка: никакой из призов, за который боролись политики 1914-го, не стоил последующего катаклизма. Понимали ли протагонисты того кризиса, насколько высоки ставки? Раньше полагали, что европейцы подписывались под ложным убеждением в том, что следующий континентальный конфликт будет коротким, быстрой кабинетной войной из XVIII века; что солдаты «вернутся домой еще до Рождества», как гласит поговорка. Позднее, однако, распространенность этой «иллюзии короткой войны» была оспорена.ⁱⁱ Основу германского плана Шлиффена составлял массивный молниеносный удар по Франции, но даже внутри штаба самого Шлиффена звучали предупреждения о том, что следующая война окажется не чередой быстрых побед, но, скорее, «нудным и кровавым пошаговым переползанием вперед».ⁱⁱⁱ Хельмут фон Мольтке надеялся на то, что Европейская война, если она случится, то скоро и закончится, но и он допускал возможность ее затягивания на годы с неизмеримым сопутствующим ущербом. Британский премьер-министр Герберт Асквит в конце июля 1914-го писал об установке на «Армагеддон». Французские и русские генералы говорили о «войне на уничтожение» и об «истреблении цивилизации».

Они знали, но осознавали ли они это? Возможно, здесь одно из ключевых различий между временем до и после 1945 года. В 1950-60-х ответственные лица и ши-

ii Тезис о «короткой войне» представлен в: Gerhard Ritter, *Der Schlieffenplan. Kritik eines Mythos* (Munich, 1965); Lancelot Farrar, *The Short War Illusion. German Policy, Strategy and Domestic Affairs, August–December 1914* (Santa Barbara, 1973); Stephen Van Evera, 'The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War', *International Security*, 9 (1984), pp. 397–419; critique: Stig Förster, 'Der deutsche Generalstab und die Illusion des kurzen Krieges, 1871–1914: Metakritik eines Mythos', *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 54 (1995), pp. 61–95; отличный комментарий по полемике: Holger H. Herwig, 'Germany and the "Short-War" Illusion: Toward a New Interpretation?', *Journal of Military History*, 66/3, pp. 681–93.

iii Цитировано в: Herwig, 'Germany and the "Short-War" Illusion', p. 686.

рокая общественность внутренне поняли, что это такое – ядерная война: образы атомного гриба над Хиросимой и Нагасаки вошли в кошмары обычных граждан. Вследствие этого величайшая гонка вооружений в истории человечества так и не кульминировала в ядерную войну между сверхдержавами. Перед 1914-м дело обстояло иначе. В сознании многих политических деятелей надежда на короткую войну и страх перед длительной как бы взаимно упраздняли друг друга, блокируя возможность всесторонней оценки рисков. В марте 1913-го журналист «Фигаро» освещал в газете серию лекций, недавно прочитанных в Париже светилами французской военной медицины. Среди лекторов был и профессор Жак-Амбруаз Монпрофит, только что вернувшийся из инспекционной поездки по военным госпиталям Греции и Сербии, где он содействовал введению современных методов военной хирургии. Монпрофит замечал, что «раны, наносимые осколками снарядов французских орудий [проданных в балканские страны накануне 1-й Балканской войны] были не только более многочисленными, но и также и чрезвычайно серьезными – с раздроблением костей, разрывом тканей, снесенными ребрами и черепами». Вызываемые страдания от ран были столь жестокими, что один из ведущих экспертов в военной хирургии, профессор Антуан Депаж, предложил ввести международное эмбарго на боевое использование такого вооружения в будущем. Журналист откомментировал это предложение следующим образом: «Мы понимаем великодушные такого рода доводов, но должны считаться с возможным перевесом противника в живой силе на поле боя, и в этом случае будет полезно, что наши враги будут знать, что мы обладаем такого рода оружием самозащиты, оружием, которого им следует бояться...» Статья заканчивается декларацией того, что Франция может поздравить себя как с чрезвычайной мощностью своего вооружения, так и с обладанием «медицинской организации, которую мы вправе описывать как чудесную».ⁱ Такого рода скороспе-

ⁱ 'Horace Blanchon' (pseud.), 'Académie de Médecine', Le Figaro, 5 March 1913, cutting in NA Archief, 2.05.03, doc. 648, Correspondentie over de Balkan-oorlog.

лые умозаключения мы находим повсюду в предвоенной Европе. В этом отношении протагонисты 1914-го были лунатиками (sleepwalkers) -бдительными, но невидящими, тревожимыми видениями, но в реальности слепыми к тому ужасу, который они были готовы принести в мир.